ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81'42

Е. В. КОСЬКИНА

Омский государственный технический университет

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ КАК АВТОПОРТРЕТ УЧЁНОГО

Статья посвящена вопросу проявления в научном тексте своеобразия личности ученого. В основу публикации положены наблюдения за особенностями идиостиля А. М. Пешковского, которому было свойственно отступление от принятых стандартов письменной научной коммуникации в плане более свободной манеры изложения, свидетельствующей о неординарности и творческом начале личности ученого. Привлечение источников историко-биографического характера позволяет взглянуть на текст одной из публикаций Пешковского как на его автопортрет.

Ключевые слова: научный текст, идиостиль, авторизованное изложение.

Творческое своеобразие (предполагающее новизну и оригинальность смысловой и/или стилистической стороны речи), как известно, проявляется в различных функциональных стилях неодинаково. Необходимое в художественных произведениях, противопоказанное письменной деловой речи, оно факультативно проявляется в научных текстах. По мнению исследователей [1, 2], отступление от принятых норм в пользу большей индивидуальности языка, свободы стиля всегда было свойственно прежде всего крупным ученым. Сказанное вполне объясняет внимание к научному творчеству выдающегося отечественного лингвиста XX в. А. М. Пешковского, чьи работы (помимо неоднократно переиздававшегося «Русского синтаксиса в научном освещении» это многочисленные статьи по филологии, заново открытые благодаря выходу сборника [3]) интересны не только с содержательной, но и со стилистической точки зрения. Рассмотрим особенности идиостиля ученого, а также их экстралингвистическую основу на примере работы «Объективная и нормативная точка зрения на язык» (1923).

В статье, написанной в форме рассуждения и адресованной учителям-словесникам, Пешковский стремится убедить своих читателей в целесообразности совмещения объективной и нормативной точек зрения при изучении русского языка в школе. К ключевой мысли о том, что «теоретический интерес (к родному языку. — **Е.К.**) должен поддерживаться практическим, практический — теоретическим»,

автор подводит своего читателя постепенно, незаметно для последнего, чему немало способствует мастерски выстроенная композиция текста.

Тезис, вопреки сложившейся в научном дискурсе традиции, является не отправным, а конечным пунктом движения авторской мысли. Можно предположить, что на построение текста оказал влияние многолетний опыт педагогической работы Пешковского, прежде всего с гимназистами. Учителя знают, что вынесенная в абсолютное начало урока ключевое положение — «навязываемое», «чужое» знание (правило, теорема, закон) — нередко вызывает у одних учеников непонимание, у других недоверие. К восприятию сложной научной информации их следует подготовить — задать ряд проблемных вопросов; обратиться к ситуации из повседеневного опыта учащихся, косвенно связанной с материалом, и т.д. В своей статье Пешковский идет именно по этому пути: размышляя над вопросами о языке, его использовании, о восприятии разного рода отклонений от литературного канона; погружая читателя в море интереснейшего языкового материала (привлекая данные из разных языков), он плавно подводит нас к основному тезису публикации.

В целом изложение авторской мысли строго соответствует текстовым нормам научного стиля — последовательно, непротиворечиво, обоснованно, и вместе с тем оно выразительно, увлекательно благодаря использованию разнообразных стилистических приемов, среди которых заметное место занимает антитеза. Первая часть текста построена на сравнении двух противоположных точек зрения на язык — объективно-познавательной, исключающей всякое «эмоциональное и волевое отношение к предмету», и субъективно-нормативной, связанной с оценкой предмета как правильного/неправильного, красивого/некрасивого и т.д. Это различие разъясняется сначала на примере естественных наук, затем — лингвистики: «Совершенно так же, как зоолог и ботаник в конце концов вынуждены признать *каждое* животное и растение совершенством в своем роде, в смысле идеального приспособления к окружающей среде, так же и современный лингвист признает каждый язык совершенным применительно к тому национальному духу, который в нем выразился». Автор приводит читателя к неожиданному выводу о том, что лингвистику следует считать «наукой не гуманитарной, а *естественной*». Этот парадокс, наряду с цитатой из «Бориса Годунова» («Так точно дьяк, в приказах поседелый, Спокойно зрит на правых и виновных...»), играет роль мыслительно-активизирующего средства и, как всё экстраординарное, позволяет легко понять, чем же подлинно научный подход к языку отличается от житейско-интеллигентского: лингвист «ни одного факта не осудит, а лишь изучит». Противопоставление двух точек зрения многократно акцентируется с помощью различных оценочных единиц (субъективный подход определяется не иначе как *житейско-школьный, житейско-интеллигентский*, метафорически обозначается как *скорый, неправый, пристрастнейший суд*), иллюстрируется многочисленными примерами, как-то: факты народно-разговорного языка, дефекты речи, речевые ошибки. Опытный учитель и оратор, Пешковский умело пользуется приемом иронии, характеризуя представления обывателя о языке и языкознании: «...он убежден, что для *каждого* языкового случая такие правила существуют, что всё, чего он не доучил в школе, имеется в полных списках, хранящихся в недоступных для профана местах, у жрецов грамматической науки, и что последние только составлением этих списков «живота и смерти» и занимаются».

Совершенно неожиданно для читателя исходное противопоставление (с явным перевесом в пользу объективно-познавательного, «научного» отношения к языку) оказывается отчасти снятым. Раскрыв суть подлинно научного взгляда на язык, автор предостерегает читателя от квиетизма в речевой практике: такая вульгаризация объективной точки зрения была бы «смертным приговором литературному наречию». Для последнего наивный нормативизм интеллигента-обывателя, при всех его курьезах, есть «единственно-жизненное отношение».

Во второй части текста автор выявляет основные признаки литературного языка, используя прием многочленной антитезы. Попарно противопоставляя в одном ряду: 1) «говорение» интеллигента, стремящегося к языковому идеалу, и «говорение» крестьянина, свободного в своем речевом поведении, «как птица»; 2) ходьбу по канату и естественную ходьбу; 3) дыхание факира и обычное дыхание, — он разъясняет важное отличие литературного языка от народно-разговорного, состоящее в наличии установленных общеобязательных норм.

Пешковский широко применяет объяснительные возможности сравнения и метафоры: «Если в языке «всё течет», то в литературном наречии это **течение** (здесь и далее в цитатах полужирное выделение наше. — **Е. К.**) заграждено **плотиной нормативного консерватизма** до такой степени, что **языковая река** чуть ли не превращена в **искусственное озеро»;** «Уменье говорить, это то **смазочное масло**, которое необходимо для всякой **культурно-государственной машины**»; «...точность и легкость понимания растут по мере уменьшения словесного состава фразы и увеличения ее **бессловесной подпочвы»** и др. Использование слов из нескольких семантических полей (природа, техника и др.), заимствование единиц из терминосистем естественных и точных наук для непрямого обозначения признаков литературного языка, оживляет изложение, делает восприятие текста «многоканальным» (выражение В. К. Харченко).

Вторая часть статьи не уступает первой по своей наглядности с тем лишь различием, что в данном фрагменте автор приводит примеры не отдельных языковых единиц, а знакомых читателю бытовых ситуаций: «...Естественная речь... по природе своей *эллиптична...* мы всегда не *договариваем* своих мыслей, опуская из речи всё, что дано *обстановкой или предыдущим опытом* разговаривающих. Так, **за столом мы спрашиваем:** «Вы кофе или чай?»; **встретив знакомого, спрашиваем**: «Ты куда?»; **услышав надоевшую музыку, говорим**: «Опять!» и т. д. Многоканальность восприятия авторской мысли обеспечивает обращение к хорошо знакомым читателю речевым жанрам: сравнивая разговор супругов с составлением газетного объявления о продаже пианино, выступлением на публике, Пешковский показывает, что «заботы о ясности... являются необходимым условием самого существования литературного наречия», а овладение последним требует обучения.

В качестве средств эмоциональной разрядки информационно насыщенного, терминологически заряженного научного текста Пешковский прибегает к метатекстам — полуанекдотическим (в его изложении) ситуациям из жизни носителей языка, подшучивая над собой и другими. Вот характерный пример:

«В естественном состоянии все, кроме сумасшедших и сумасшествующих... говорят нормально, т. е. понятно. Даже в нашей деревне говорят непонятно

только придурковатые да те, которые хотят «свою образованность показать» (т. е. задетые уже литературным наречием) [**ирония**]. В литературном наречии, напротив, все всегда и везде говорят в той или иной степени *непонятно.* <...> Я прошу вспомнить... сколько времени тратится юристами на выяснение смысла того или иного свидетельского показания, того или иного закона; прошу вспомнить, сколько людей в науке, в поэзии, в философии, в религии заняты исключительно *толкованием* чужих мыслей, выраженных подчас самими творцами как будто бы классически ясно и просто, но тем не менее всегда создающих целый ряд толков, сект, течений... прошу всё это вспомнить [**комплекс метаситуативных метатекстов, окрашенные легкой иронией**], — и читатель согласится со мной, что *затрудненное понимание* есть необходимый спутник литературно-культурного говорения [**парадокс**]. Дикари просто «говорят», а мы всё время что-то «хотим» сказать. Мы, как слепцы, ищем с протянутыми руками друг друга в воздухе. Каждый *вполне* понимает только свою собственную речь [**самоирония**]. Это создает усиленный *спрос на ясность* в литературном наречии [**ключевая мысль фрагмента**]».

Третья, заключительная часть выделяется силой своего воздействия — автор выходит на финишную прямую: хорошо подготовленный всем предшествующим изложением читатель вдруг оказывается перед важнейшим для научно-педагогической практики 20-х гг. XX в. вопросом: мирится ли нормативное («ненаучное») изучение родного языка в школе с объективным («научным») подходом, за который все так ратуют? Прибегая к многочисленным развернутым сравнениям (языкознания с экономическими дисциплинами, речевой деятельности с поведением человека на рынке, уроков права с уроками родного языка), Пешковский окончательно снимает исходное противоречие факта и идеала, сущего и должного: «...наука с жизнью давным-давно уже поделили между собой эти вещи: наука взяла себе «сущее», а жизнь — «должное»; а «мост между наукой и жизнью вполне налажен (имеются в виду прикладные науки. — **Е. К.**)». Далее автор подходит к ключевому положению публикации: «Ребенок должен отчетливо понимать, что *он учится хорошо говорить,* но что для того, чтобы этому научиться, надо прислушаться к тому и подумать над тем, *как люди говорят.* Уже и в детском уме объективная и нормативная точки зрения должны прийти в должное равновесие и взаимодействие». Экспрессия финальной части с ее высокой концентрацией стилистических приемов (сравнений, вопросно-ответных комплексов), оценочных единиц (*сухой* 'скучный', *нестерпимо скучно*, *донкихотство*, *проповедь* 'назидание, поучение'); резкое изменение модального плана (переход автора от свободного разговора с читателем «на равных» к назиданию, опирающемуся на неоднократное *должен*) — всё это выдает особую заинтересованность автора в поднятой проблеме. В самом деле, на протяжении всей своей жизни Пешковский был озабочен уровнем преподавания русского языка, о чем свидетельствуют многочисленные публикации методического характера, его активная деятельность в организациях, занимавшихся проблемами образования (Московской постоянной комиссии преподавателей русского языка, ученой комиссии при Наркомпросе и Главнауке и др.).

Во второй и третьей части текста наиболее отчетливо проявляется присущий стилю Пешковского синкретизм, т.е. «органическое слияние научности и художественности» [4, с. 67]. Прежде всего можно говорить о «хронотопе» статьи. В поисках ярких примеров, иллюстрирующих основные мысли, автор с легкостью романиста перемещается во времени: из дня сегодняшнего (20-е гг. XX в.) читатель попадает во времена Пушкина, Шекспира, Данте, из Средневековья — в самую древность (время существования первобытного человека). «Топография» статьи включает разные города и страны — Москву, Рязань, Тулу и Калугу, Францию, Италию, Англию.

Не удивительно, что такое панорамное произведение имеет сложную систему «действующих лиц», главными из которых, естественно, являются автор и читатель, находящиеся в непрерывном диалогическом взаимодействии (Пешковский использует весь спектр средств диалогичности: «мы инклюзивное», побудительные конструкции, вопросно-ответные комплексы, разного рода пояснения и дополнения, конструкции связи и др.).

Кроме того, есть и многочисленные второстепенные безымянные, эпизодически появляющиеся персонажи, типичные представители современного общества. Это и более общие «типы» (например, обыватели, люди науки), и более частные «типы», соответствующие определенным культурным слоям, профессиональным группам (крестьянин, интеллигент, ботаник, зоолог, лингвист, экономист, финансовед, циркачи и т.д.). Есть и реальные исторические лица — писатели. Все эти персонажи встречаются во фрагментах, разъясняющих, иллюстрирующих ключевые положения статьи. Среди них, например, и такой фрагмент, который призван убедить читателя в справедливости авторского суждения о пользе консерватизма литературного языка для истории мировой литературы (эпизодические «персонажи», оживляющие авторское изложение подчеркнуты):

«Современный образованный итальянец легко читает Данте, современный же итальянский крестьянин вряд ли бы разобрался в языке родной деревни XIII века. <...> Нетрудно видеть, что этот консерватизм не случаен, что он тесно связан опять-таки с самим существованием литературного наречия и *литературы.* Разговорный язык может меняться в каком угодно темпе... потому что мы говорим с отцами нашими и дедами, но не далее. <...> Если бы литературное наречие изменялось быстро, то каждое поколение могло бы пользоваться лишь литературой своей да предшествовавшего поколения, много двух. Но при таких условиях не было бы и самой литературы, так как литература всякого поколения создается *всей* предшествующей литературой. Если бы Чехов уже не понимал Пушкина, то, вероятно, не было бы и Чехова. <...> Консерватизм литературного наречия, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы».

Стремление к такой «многолюдности», по-видимому, можно объяснить уже упомянутой заботой автора о доступности, наглядности и связанном с ними особом психологическом комфорте читателя, вынужденного преодолевать определенный интеллектуальный барьер при чтении научной статьи. Благодаря многообразию персонажей и знакомых ситуаций, мир «чистого знания» становится для читателей обжитым, близким, более понятным.

Наиболее четко в тексте проступает фигура автора. Функцию выражения авторского начала выполняют разнообразные стереотипные языковые единицы (авторы терминологических обозначений, выделенных курсивом, — М. П. Котюрова, Е. А. Баженова):

— *Эго-номинации*, напр.: «**я** считаю», **«я...** должен предостеречь читателя»; «**Мне** могут возразить...»; «Но **я** все-таки проанализирую здесь...».

— *Номинации авторских ментальных и эмоциональных действий и состояний*, напр.: «Ряд предыдущих сопоставлений... **вероятно**, привел уже читателя к догадке»; «Слишком уж **очевидно**, что и до возникновения литератур существовали народы, что эти народы на каких-то языках говорили»; «Теперь, я **надеюсь**, мои подчеркивания ясны»; «**Понятно**, что в противовес этой неизбежной затрудненности общения в культурном обществе должен был чисто биологически возникнуть *культ слова...* И если бы даже ни правописание наше, ни грамматика нашего литературного наречия сама по себе, ни словарь его не представляли никаких трудностей (**предположение**, **конечно**, **фантастическое**), мы всё равно учились бы и учили бы родному языку» и т. д.

— *Номинации речевой рефлексии*, представляющие автора как комментатора, редактора собственного текста и отражающие стремление быть понятым читателем: «самым существенным, **прямо можно сказать**, конститутивным»; «с точки зрения естественного процесса речи, с точки зрения, **так сказать**, физиологии и биологии языка»; «**говоря популярно»** и др.

Авторское «Я» получает в статье Пешковского развернутое речевое выражение в метаситуативных высказываниях, включающих сразу несколько указанных выше единиц и содержащих:

— более или менее *развернутые комментарии, поясняющие коммуникативное поведение автора статьи*, напр.: «В начале статьи **я все время подчеркивал**, что лингвист как таковой не знает оценки языковых фактов, что для лингвиста в *процессе изучения* все факты хороши. **Теперь, я надеюсь, мои подчеркивания ясны**. Лингвист не как лингвист, а как участник языкового процесса... конечно, расценивает языковые факты наравне со всеми прочими образованными людьми, с той лишь разницей, что у него для этой расценки гораздо больше специальных знаний»; «Но **я все-таки проанализирую здесь**, в чем состоит эта сложность с чисто лингвистической точки зрения, **чтобы показать**, что повышенные заботы о ясности...являются необходимым условием самого существования литературного наречия; «...**нормативность** метафизического свойства **я здесь для простоты оставляю в стороне**»;

— *информацию о фактах биографии автора*, проливающих свет на его научное кредо и в то же время оживляющих изложение, напр.: «Когда при **мне** переврали раз название **нашей** науки, окрестив ее «языконоведением», **я** тотчас занес этот факт в **свою** записную книжку как **яркий** и **интересный** пример так называемой контаминации, т. е. слияния двух языковых образов (языковедение — законоведение) в один смешанный»; Когда **меня** спросили на юге, как надо говорить: «верноподд**а**нн**и**ческий» или «верноподданн**и**ческий», **я** отметил у **себя** оба факта для последующего **размышления** о них».

Помимо выявленных единиц авторизации, есть и другие средства, создающие личностный план текста и придающие научной информации статус персонифицированного знания. Речь идет о системе макрообразов, в которых раскрываются ключевые положения о языке и лингвистике. Количественный анализ семантических групп лексических единиц, использованных автором в развернутых сравнениях, метафорических номинациях, в иллюстративных текстовых фрагментах, позволил выявить несколько понятийных областей, формирующих богатый интерпретационный фон теоретических построений: искусство, юриспруденция, экономика, математика, биология. Последний член данного ряда является безусловным лидером, о чем свидетельствует значительный объем соответствующей семантической группы единиц, разъясняющих и дополняющих суждения Пешковского о языке и лингвистике. Вот лишь несколько характерных примеров: «...**народные наречия и говоры** не только не могут игнорироваться при таких условиях лингвистом, а, напротив, они для него и **составляют главный** и наиболее захватывающий, наиболее раскрывающий тайны языковой жизни **объект исследования**, **подобно тому как ботаник всегда предпочтет изучение луга изучению оранжереи**»; «С точки зрения **естественного процесса речи**, с точки зрения, так сказать, **физиологии и биологии языка**, эта черта совершенно неестественна»; «...точность и легкость понимания растут по мере уменьшения словесного состава фразы и увеличения ее **бессловесной подпочвы**»; «Словом, здесь **эволюция** (языковая. — **Е. К.**) совершенно **аналогична эволюции животного и растительного мира** и протекает целиком **по дарвиновской схеме...**». Подобные выражения выдают в авторе «естественника» — человека, разбирающего в закономерностях органической жизни и хорошо владеющего соответствующей научной терминологией. Вероятно, на формирование языка научных публикаций Пешковского оказали влияние известные факты его биографии: будучи гимназистом, увлекался естественнонаучными исследованиями, учился на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета. Многогранность интерпретационного поля статьи, обеспечивающая (за счет обилия примеров, аналогий из разных сфер жизни) многоканальность ее восприятия и как следствие доступность публикации, позволяют, даже не прибегая к свидетельствам современников и биографов, судить об эрудиции автора, о разносторонности его интересов, в круг которых, как известно, помимо языкознания, биологии, входила математика и музыка (профессиональный лингвист, Пешковский давал частные уроки математики и музыки), литература (был членом литературного общества «Никитские субботники», общался с поэтами Серебряного века).

Пешковский обладал действительно оригинальным, запоминающимся стилем, в котором нашли отражение особенности личности ученого, факты его биографии, жизненные ценности, научные приоритеты. Несложно увидеть связь между многолетним педагогическим опытом лингвиста и характерной для его работ «учительской интонацией» (выражение С. Г. Шулежковой), которая ассоциируется отнюдь не с наводящим скуку назиданием, покровительственно-снисходительным отношением профессора к неискушенному в науке читателю. Речь идет об особом энтузиазме и пытливой страстности, с которой хороший учитель передает свое знание ученикам. В статье Пешковского нет и намека на «рафинированную» манеру изложения кабинетного ученого — он пишет просто (но не упрощенно), ясно, доступно, занимательно, с явной «оглядкой на читателя», как будто предупреждая всякое непонимание с его стороны. Данная коммуникативная направленность на адресата находит отражение в усиленной диалогичности, наглядности, доступности, занимательности, синкретизме изложения и обусловливает использование разнообразных дополнительных средств развертывания текста, помогающих читателю преодолеть интеллектуальный барьер, легко войти в мир

нового знания. Серьезное увлечение Пешковского точными и особенно естественными науками, его особый интерес к искусству слова, подогреваемый близким знакомством с видными литераторами рубежа веков, объясняют богатство и разнообразие примеров, объяснительных метафор, сравнений, аналогий, реминисценций, обеспечивающих многоканальность восприятия собственно научной информации. Благодаря своей эрудиции автор легко находит точки соприкосновения с любым читателем.

Таким образом, проанализированную статью, без сомнения, можно отнести к разряду «текстов-автопортретов», в которых авторское «Я», своеобразие личности ученого, его жизненного пути получают максимальную выраженность.

Библиографический список

1. Архангельская, А. С. К проблеме индивидуального стиля в научных исследованиях / А. С. Архангельская // НТР и развитие художественного творчества. — Л., 1980. — С. 62—75.

2. Кириллова, И. А. Коммуникативная целесообразность в речи. Сфера науки / И. А. Кириллова // Хорошая речь : [коллектив. монография] / под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. — 2-е изд., испр. — М., 2007. — С. 69 — 83.

3. Пешковский, А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика: избр. тр. : учеб. пособие / А. М. Пешковский ; сост. и науч. ред. О.В. Никитин. — М. : Высш. шк., 2007. — 800 с.: ил. — (Серия «Лингвистика XX в.»).

4. Архангельская, А.С. Указ. соч. — С. 67.

КОСЬКИНА Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций.
Адрес для переписки: e-mail: ele-koskina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 08.10.2009 г.
© Е. В. Коськина

УДК 658.512.2 : 802.0

Л. Г. ПРОСВИРНИНА

Омский государственный технический университет

СОКРАЩЕННЫЕ ТЕРМИНЫ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В данной статье проведен структурно-семантический анализ сокращенных английских терминов в сфере интеллектуальной собственности, в результате которого выявлено шесть семантических групп, а также произведена классификация сокращенных терминов по структурным типам. На основе проведенной классификации выявлены продуктивные типы сокращения терминов. Выявлены социолингвистические факторы, повлиявшие на процесс формирования сокращений в исследуемой группе. Полученные данные представляют научный и практический интерес для студентов, преподавателей и специалистов в области интеллектуального права, патентов, различных направлений экономики и права.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, структурный анализ сокращенных терминов, инициальные сокращения, гибриды, акронимы.

В современном мире в условиях глобализации мировой экономики интеллектуальная собственность является объектом серьезного внимания и тщательного изучения. Нарушение авторских прав отмечается почти повсеместно. Проблема защиты интеллектуальной собственности существует во всем мире, для её решения на разных уровнях создаются различные службы, организации, союзы и комитеты, которые имеют не только собственную инфраструктуру, но и соответствующую терминологию. Эта терминология, в свою очередь, отражает процессы развития данной сферы, этапы ее развития и географию распространения.

Мы провели исследование выборки сокращенных английских экономических терминов, которая составляет 3478 единиц, и выявили, что в состав данной выборки входит ряд терминов, которые тематически можно отнести к сфере интеллектуальной собственности. Выборка составлена методом сплошного просмотра словарей [1, 2] и специализированной литературы [3]. Терминов, представляющих интерес для использования в указанной сфере, в исследуемой выборке оказалось 425, что составляет 8 % от общего объёма выборки.

Проведя семантический и структурный анализ выявленных сокращенных терминологических единиц, мы представляем полученные результаты.

Поскольку интересы данной сферы простираются в области защиты интеллектуальной собственности и торговли правами на неё, то, соответственно, терминология отражает указанные интересы. Таким образом, мы можем утверждать, что терминология сферы интеллектуальной собственности обусловлена социолингвистическими факторами. Это означает, что термины могут выражать следующие понятия:

1) названия учреждений, отделов и должностных лиц, занимающихся вопросами регулирования прав на интеллектуальную собственность, таких терминов в выборке — 96 единиц, например:

BIRPI < United **I**nternational **B**ureau for the **P**rotection of **I**ntellectual **P**roperty — *Международное объединенное бюро по охране интеллектуальной собственности, БИРПИ, предшественник ВОИС;*

Council for TRIPS < Council for Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights — *Совет по вопросам, относящимся к торговле правами на интеллектуальную собственность;*

ROSPATENT Marketing department < Russian patent Marketing department — *маркетинговый отдел Роспатента*;

IP lawyer < intellectual property lawyer — юрист, специализирующийся на делах, связанных с интеллектуальной собственностью;

2) договоры и законы, регулирующие и обеспечивающие эти права и ответственность за их нарушение, выявлено 60 сокращенных единиц, например:

BIRPI Model Law < **U**nited **I**nternational **B**ureau for the **P**rotection of **I**ntellectual **P**roperty Model Law — *типовой закон, подготовленный в рамках Международного объединенного бюро по охране интеллектуальной собственности (БИРПИ);*

TRIPS < The Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights — *Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, ТРИПС;*

WCT < WIPO Copyright Treaty — the World International Property Organization Copyright Treaty — *Договор ВОИС по авторскому праву, ДАП;*

WIPO Copyright Treaty < the World International Property Organization Copyright Treaty — *Договор ВОИС по авторскому праву, ДАП;*

WPPT < WIPO Performances and Phonograms Treaty — World Intellectual Property Organization Performances and Phonograms Treaty — *Договор ВОИС об исполнениях и фонограммах (ДИФ);*

3) названия документов, литературы и периодических изданий по вопросу оформления и функционирования института прав на интеллектуальную собственность — 53 единицы, например:

IPC < International Patent Classification — *Международная патентная классификация, МПК;*

IPC section < International Patent Classification section — *раздел МПК (Международной патентной классификации);*

IPAP < Intellectual Property in Asia and the Pacific — *«Интеллектуальная собственность в Азиатском и Тихоокеанском регионе», Международное ежеквартальное издание;*

WIPO Gazette of International Marks < the World International Property Organization Gazette of International Marks — *Бюллетень ВОИС по международным товарным знакам;*

WIPR < World Intellectual Property Report — *Международное ежемесячное издание по интеллектуальной собственности;*

4) названия программных продуктов и интернет-сайтов, предназначенных для работы в сфере интеллектуальной собственности — 34 единицы, например:

IPDL < Intellectual Property Digital Library — *цифровая библиотека интеллектуальной собственности (задействована в проекте Wiponet);*

MRFD < MIMOSA Russian Full Specifications — *полный комплект российской патентной документации МИМОЗА;*

MRFP < MIMOSA Russian First Page — *программный продукт МИМОЗА, включающий набор данных, необходимых для оформления первой страницы патентной документации;*

Regional CD-ROM CISPATENT < Regional CD-ROM Patent forms for Commonwealth of Independent States — *компакт-диск, предназначенный для оформления патентов в странах СНГ (Содружество Независимых Государств);*

RUPAT_NEW < New Russian Patent — *Российский патент, обновленный бюллетень с новейшей информацией о документации необходимой для оформления патента в России;*

W_RUTM < *World Russian Trademarks data base — Базы данных международных товарных знаков с указанием России;*

RUGP < *Goods Places Of Origin (In Russian) — Базы данных наименований мест происхождения товаров;*

5) названия торговых марок, брендов, фирм, являющихся объектами интеллектуальной собственности, — 13 единиц, например:

Mr.Parkett < Mister Parkett — *Мистер Паркет (зарегисрированная торговая марка);*

GM < General Motors — *«Дженерал Моторс» (американская компания — производитель автомобилей (зарегистрированная торговая марка));*

AF < Air France — одна из крупнейших в мире авиакомпаний;

CK < Calvin Klein — Калвин Кляйн *(зарегистрированная торговая марка)*

MER shares < Merrill Lynch's shares **–** *акции компании «Меррилл Линч»;*

6) термины, применяемые в документах в процессе оформления прав интеллектуальной собственности, выявлено 185 сокращенных единиц, например:

Ltd. < limited liability — *с ограниченной ответственностью;*

IP < intellectual property — *интеллектуальная собственность;*

IP-intensive industry < intellectual property intensive industry — *промышленная интеллектуальная собственность в интенсивном производстве;*

CIP < application continuation-in-part application — *заявка-частичное продолжение (дополняющая первоначальный объект изобретения или вносящая в него изменения);*

non-IP intensive manufacturing < non-intellectual property intensive manufacturing — *неинтеллектуальная собственность в интенсивном промышленном производстве;*

KWIC index < key-word-in-context index — *указатель ключевых слов в контексте;*

O.C. < official classification — *официальная классификация.*

Результаты семантического анализа приведены в табл. 1.

Терминология подъязыка интеллектуальной собственности функционирует и развивается в соответствии с законами языка для общих целей, вот почему ей свойственны такие явления, как полисемия, синонимия и омонимия, о чем свидетельствуют примеры, приведенные ниже.

В исследуемой выборке обнаружено 7 групп сокращений-омонимов, относящихся непосредственно к семантической группе интеллектуального права, в частности сокращение **IP** имеет десять вариантов расшифровки, девять из которых принадлежат к названной группе:

IP < 1. Intellectual property — *интеллектуальная собственность*

2. identity preserved — *контролируемый по происхождению (о продукте питания)*

3. identification of position — *идентификация положения*

Таблица 1

Семантические группы сокращенных терминов английского подъязыка интеллектуальной собственности

Семантическая группа	Кол-во	%	Пример
1. Названия учреждений, отделов и должностных лиц	96	22,6	**BIRPI** < United International Bureau for the Protection of Intellectual Property — *Международное объединенное бюро по охране интеллектуальной собственности, БИРПИ*
2. Законы и договоры	60	14,1	**BIRPI Model Law** < United International Bureau for the Protection of Intellectual Property Model Law — *типовой закон, подготовленный в рамках Международного объединенного бюро по охране интеллектуальной собственности (БИРПИ)*
3. Названия документов, литературы и периодических изданий	53	12,5	**PCT Applicant's Guide** < Patent Cooperation Treaty Applicant's Guide *«Руководство заявителя по договору PCT» Издание ВОИС.*
4. Названия программных продуктов	34	8	**RUPAT** < Russian Patent — *Российский патент, бюллетень с информацией о документации, необходимой для оформления патента в России*
5. Названия торговых марок, брендов, фирм	7	1,6	**GM** < General Motors — *«Дженерал Моторс» (американская компания — производитель автомобилей (зарегистрированная торговая марка))*
6. Прочие термины сферы интеллектуальной собственности	175	41,2	copr. < copyright — *авторское или издательское право*

4. image processor — *процессор изображений*

5. information pool — *информационный пул*

6. information processing — *обработка информации*

7. information providr — *поставщик информации*

8. Internet protocol — *интернет-протокол (протокол сетевого уровня)*

9. insolvency practitioner — *специалист по неплатежеспособности (лицо, уполномоченное осуществлять управление или ликвидацию неплатежеспособного предприятия (напр. Ликвидатор, доверительный управляющий, конкурсный управляющий))*

10. international patent — *международный патент*

IPI < 1. Institute of Patentees and Inventors — *Объединение патентовладельцев и изобретателей (содействует внедрению изобретений, находится в Лондоне);*

2. International Patent Institute — *Международный патентный институт (Гаага).*

Наряду с описанным выше явлением, для терминологии данной сферы характерно явление переосмысления [4, с. 256—257], которое также порождает явление омонимии. Данное утверждение подтверждается следующим примером:

MER < 1. Merrill Lynch — *Компания «Меррил Линч» (зарегистрированная торговая марка);*

2. profit estimate for Merrill Lynch —*оценка доходов инвестиционной компании «Меррилл Линч».*

Изначально сокращением **MER** обозначали зарегистрированную торговую марку, позднее данное сокращение стали использовать для оценки доходов названной выше компании. Таким образом, можно сделать вывод о несовпадении семантического объёма сокращенного термина и его исходного варианта [5, с. 167], поскольку семантика термина **MER** включает в себя не только значения его составляющих, а именно название компании **Merrill Linch**, но и, в определенном контексте, оценку деятельности инвестиционной компании, выражаемую в конкретных цифрах.

Явление синонимии в подъязыке интеллектуальной собственности, продемонстрировано следующими примерами:

1. **B.P.** < British Patent — *патент Великобритании, британский патент*

Br.P. < British Patent — *патент Великобритании, британский патент*

2. **BofT** < BOT — Board of Trade — *1) Министерство торговли; 2) Торговая палата*

BOT< Board of Trade — *1) Министерство торговли 2) Торговая палата*

3. **C.O.** < certificate of origin — *свидетельство о происхождении*

c/o < certificate of origin — *свидетельство о происхождении*

4. **cf.** < confirmed — *подтвержденный*

cfmd < confirmed — *подтвержденный*

5. **CIP = C.I.P.** < continuation-in-part — *частичное продолжение (заявки)*

6. **C.P.** < Commissioner of Patents — *Комиссар по патентам (руководитель Патентного ведомства США)*

Comr. < Commissioner of Patents — *Комиссар по патентам (руководитель Патентного ведомства США)*

7. **CT** < World Intellectual Property Organization Copyright Treaty —*Договор ВОИС по авторскому праву, ДАП*

WIPO Copyright Treaty < World Intellectual Property Organization Copyright Treaty — *Договор ВОИС по авторскому праву, ДАП*

8. **doc.** < document — *документ*

dcmt < document — *документ*

dct < document — *документ.*

Всего выявлено 17 синонимических рядов, длина которых составляет два, и один синонимический ряд, длиной в три сокращенных термина.

При помощи структурного анализа [6, с. 94] мы выявили следующие модели сокращенных терминов:

1. Инициальные — 237 единиц

PPH < Patent Prosecution Highway — *общественная организация, занимающаяся вопросами производства и выдачи патента;*

2. Усечения — 34 единицы

cit. < citation — *цитата; ссылка; список противопоставленных материалов (при рассмотрении заявки на патент);*

3. Стяжения и контрактуры — 38 единиц

copr. < copyright — *авторское или издательское право;*

Таблица 2

Результаты структурного анализа сокращенных терминов подъязыка интеллектуальной собственности

Тип сокращения терминов	Кол-во	% от группы	Примеры
Инициальный	237	55,8	**PCIPI** < **P**ermanent **C**ommittee on **I**ndustrial **P**roperty **I**nformation — *Постоянный комитет ВОИС по информации в области промышленной собственности, ПКИПС*
Усечения	34	8	**compl.** < **compl**ete — *полный*
Стяжения и контрактуры	39	9,2	**cfmd** < **c**on**f**ir**m**e**d** — *подтвержденный*
Гибриды	47	11,1	**global IP rights** < global **i**ntellectual **p**roperty rights — *основные права на интеллектуальную собственность*
Акронимы	27	6,3	**INPADOC** < **In**ternational **Pa**tent **Doc**umentation Centre — *Международный центр патентной документации, ИНПАДОК*
Смешанного типа	41	9,6	**Off.J.EPO** < **Off**icial **J**ournal **E**uropean **P**atent **O**ffice — *ежемесячное официальное издание Европейского патентного ведомства*

4. Гибриды — 47 единиц

PPH program < Patent Prosecution Highway program — *программа общественной организации, занимающаяся вопросами производства и выдачи патента;*

5. Акронимы — 27 единиц

BISNIS < Business Info service for the Newly Independent States — *служба деловой информации по странам бывшего СССР (единый центр информации для иностранных компаний ищущих выход на рынок стран СНГ и Прибалтики);*

6. Смешанного типа — 40 единиц

Blg.P. < Belgian Patent — *бельгийский патент.*

Результаты структурного анализа терминов интеллектуального права приведены в табл. 2. Из данных анализа видно, что инициальная аббревиация является самым продуктивным способом сокращения терминов исследуемого подъязыка. На втором месте по продуктивности находятся гибриды, далее приблизительно на одинаковом уровне представлены сокращения образованные посредством усечения, а также стяжения и контрактуры. Акронимы — самая малопродуктивная группа. Сокращения смешанного типа представлены в количестве 40 единиц, они объединены в общую группу в силу применения различных способов сокращения в одной сокращаемой единице, и их классификация затруднена тем, что каждый сокращенный термин может быть отнесен сразу к двум и более группам.

Подводя итог нашему исследованию, можно сделать следующие выводы:

1. Термины, функционирующие в сфере интеллектуальной собственности, представлены широкой и разнообразной семантикой, которая обусловлена социолингвистическими факторами, то есть отражает процессы, происходящие в обществе.

2. Для терминологии данной сферы характерны такие явления, как терминологическая синонимия, омонимия и переосмысление.

3. Структура терминов данной сферы разнообразна, однако наиболее продуктивными способами образования являются инициальный и гибридный; также выявлены сокращения, при образовании которых использованы сразу несколько способов.

Библиографический список

1. ABBYY Lingvo 12. Английская версия. Электронный словарь (по экономике и праву). — М. : ООО «Аби», www.LingvoDa.ru, 2006.

2. Глядков С.В. Англо-русский словарь по патентам и товарным знакам: англ.-рус. — Изд. 4-е, испр., доп. — М. : Изд. «Руссо», 2003. — 232 с.

3. [Электронный ресурс] **http://www.reestrko.ru**

4. Борисов В.В., Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. — М. : Воениздат, 1972. — 320 с.

5. Дюжикова Е.А., Аббревиация сравнительно со словосложением: структура и семантика : дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1997. — 340 с.

6. Ткачева Л.Б., Основные закономерности английской терминологии. — Томск : Изд-во ТГУ, 1987. — 199 с.

ПРОСВИРНИНА Людмила Геннадьевна, аспирантка кафедры иностранных языков Омского государственного технического университета, старший преподаватель НОУ «СИБИТ».
Адрес для переписки: e-mail: ludmila_p73@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.09.2009 г.

© **Л. Г. Просвирнина**

УДК 004.8 : 811.111

Т. Н. ВИНОКУРОВА

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ, ПЕРЕДАЮЩЕЙ ПОНЯТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена особенностям английской терминологии искусственного интеллекта — науки, которая бурно развивается последние десятилетия и в России, и в других странах. Научные достижения искусственного интеллекта имеют непосредственное отношение ко всем областям деятельности человека, начиная с компьютерных игр и компьютерных вирусов и закачивания сложными машинами на промышленных предприятиях и в медицине. Именно это и объясняет актуальность исследования терминологии искусственного интеллекта, а также необходимость выявления ее особенностей и закономерностей, особенно для такого промышленно развитого региона, как Омская область.

Ключевые слова: искусственный интеллект, терминология, однословные термины, терминологические сочетания, синонимия.

Научное направление «искусственный интеллект» зародилось в общем комплексе кибернетических исследований. Искусственный интеллект — раздел информатики, посвященный моделированию интеллектуальной деятельности человека [1, с. 3]. Ученые, занимающиеся разработками в данной области, ставят перед собой серьезную задачу построения теории интеллекта, базирующуюся на обработке информации. Зародившийся более 700 лет назад в средневековой Испании искусственный интеллект оформился в самостоятельную научную область в середине XX века. Пройдя сложный извилистый путь многократных метаний между чрезмерным оптимизмом и необоснованным скептицизмом, в наши дни искусственный интеллект получил блестящие практические приложения, открывающие перспективы, без которых немыслимо дальнейшее развитие цивилизации. Первую зафиксированную в истории попытку создания машины, моделирующей человеческий разум, связывают с именем испанского рыцаря, поэта, философа, богослова, алхимика, изобретателя Раймонда Луллия.

В 40-х годах XX столетия с появлением электронно-вычислительных машин искусственный интеллект обрел второе рождение. Сам термин **artificial intelligence** — *«искусственный интеллект»* для наименования новой науки, отделившейся от кибернетических исследований, был предложен в 1956 году на семинаре с аналогичным названием в Станфордском университете в США. Авторство термина приписывается Джону Маккарти, которого считают одним из пионеров искусственного интеллекта в XX столетии [2, с. 56].

Сегодня искусственный интеллект — это обширная область исследований и разработок интеллектуальных систем, предназначенных для работы в трудно формализуемых областях деятельности человека. Методы искусственного интеллекта позволили создать эффективные компьютерные программы в самых разнообразных, ранее считавшихся недоступными для формализации и алгоритмизации, сферах человеческой деятельности, таких как медицина, биология, зоология, социология, культурология, политология, экономика, бизнес, криминалистика.

Л. Н. Ясницкий выделяет следующие направления в исследованиях, проводимых по искусственному интеллекту:

— нейронные сети — все, что связано с нейронными сетями, генетическими алгоритмами, семантические сети;

— методы представления знаний — разработки наилучших методов представления знания для использования в конкретных областях искусственного интеллекта, а так же для универсальных для возможности обработки различными алгоритмами;

— понимание текста;

— понимание речи;

— распознавание речи — различные алгоритмы распознавания речи. В настоящий момент эти системы сводятся к преобразованию речевых высказываний в текст;

— распознавание образов — распознавание отсканированного текста, «узнавание» лица человека и др.;

— генерация кода — различные алгоритмы, которые совершенствуют сами себя. Попытки реализаций таких систем провалились, однако это является интересным направлением;

— компьютерные вирусы;

— компьютерная лингвистика — одна из наиболее популярных тем исследований искусственного интеллекта — область машинного перевода, а также разработка естественно-языкового интерфейса между человеком и машиной;

— игры;

— интеллектуальные роботы;

— интеллектуальное математическое моделирование [3, с. 27].

Что касается терминологии искусственного интеллекта и интеллектуальных систем, то она начала формироваться в 60-х годах XX столетия. Авторы первого словаря по искусственному интеллекту М. Г. Газе-Раппопорт и Д. А. Поспелов считают возможным выделить несколько периодов в процессе ее появления, развития и становления в английском языке [1, с. 3 — 4].

Первый этап отличается наличием многих синонимических терминов, которые используют различные школы и различные специалисты. На этом этапе термины возникают и часть из них быстро исчезает. К середине 70-х годов терминология в области искусственного интеллекта начала систематизироваться и унифицироваться. Появились термины, которые признавало подавляющее большинство специалистов. Все эти термины, за редким исключением, англоязычные, так как именно в США проводились интенсивные исследования в этой области. М. Г. Газе-Раппопорт и Д. А. Поспелов полагают, что терминология искусственного интеллекта закрепилась в первой половине 80-х годов. С этого периода стали издаваться словари и энциклопедические справочники по искусственному интеллекту [1, с. 3].

Трудность создания словаря по искусственному интеллекту связана с междисциплинарным характером исследований в этой области. Так как в искусственном интеллекте используются методы, традиционно развиваемые в логике, психологии, лингвистике, кибернетике, дискретной математике и программировании, среди терминов искусственного интеллекта встречается немало терминов данных наук.

Исследование терминологии искусственного интеллекта строится на анализе выборки, составленной при помощи метода сплошного просмотра текстов научных монографий и публикаций по изучаемой теме на английском языке. Стоит отметить, что терминология искусственного интеллекта англоязычна, поскольку именно в США было дано название научному направлению, отделившемуся от кибернетических исследований, и подавляющее большинство разработок на этапе зарождения и становления науки проводилось в этой стране. Материалом для исследования послужила выборка, составленная путем сплошного просмотра фундаментальной монографии Рассела С., Норвига П. «Искусственный Интеллект. Современный подход» [2] и насчитывающая 2065 терминологических единиц. Такой объем исследуемого материала позволяет выявить особенности, закономерности и проблемы рассматриваемой терминологии, а также предположить возможные пути ее дальнейшего развития.

Исследование терминологии той или иной науки предполагает изучение терминологических единиц с точки зрения различных параметров, таких как происхождение, образование, форма, содержание и функциональные особенности терминов.

Вслед за С. В. Гриневым-Гриневичем, с точки зрения *формы*, т.е. морфологической структуры лексической единицы, термины можно разделить на **однословные термины** и **терминологические сочетания**. С. В. Гринев-Гриневич предлагает обозначать однословные термины как термины-слова, а терминологические сочетания — термины-словосочетания [4, с. 59]. В исследуемой выборке объёмом в 2065 терминологических единиц можно выделить 364 термина-слова. В состав однословных терминов входят следующие типы специальных лексических единиц: **корневые** *(основа совпадает с корнем)*, **аффиксальные** (*основа содержит корень и аффиксы)* и **сложные** *(основа содержит несколько корневых морфем)*.

К корневым терминам в составе терминологии искусственного интеллекта можно отнести 102 лексические единицы, например, *atom — атом, belief — убеждение, circuit — схема, event — событие, fact — факт.* Аффиксальные термины представлены шире, их количество насчитывает 213 единиц. Наиболее продуктивным суффиксом для образования терминологических единиц, выраженных именами существительными, является суффикс — **tion/ ion** (*abstraction — абстракция, action — действие, conjunction — конъюнкция, expansion — развертывание)*, с помощью этого суффикса образована 91 терминологическая единица. Вторым по частотности использования для образования терминов стал суффикс —**ing**, несущий значение процесса. Таким образом было образовано 23 термина. С суффикса **–er/ -or**, используемого для образования имен существительных, обозначающих деятеля или лицо, выполняющее определенное действие, образовано 17 специальных лексических единиц. Примером можно считать следующие термины: *actor — актор, compiler — компилятор, deflector — дефлектор, planner — планировщик, quantifier — квантор.*

Что касается наиболее продуктивных префиксов, чаще других используемых для образования терминологических единиц, то следует заметить, что данный способ образования новых терминов не является, по нашим данным, продуктивнм. Префикс **sub-,** несущий значение «под-», участвует в образовании всего 7 терминов, являясь при этом наиболее продуктивным. Приведем в качестве примера следующие термины, образованные с помощью приставки sub-: *subevent — подсобытие, subgoal — подцель, subproblem — подзадача, subset — подмножество, substitution — подстановка, subsumption — обобщение, subtree — поддерево.*

Таким образом, можно предположить, что суффиксальный способ образования новых терминов является основным способом при создании аффиксальных терминов-слов.

Сложные термины, в состав которых входит несколько корневых морфем, представлены в исследуемой выборке английских терминов искусственного интеллекта 49 единицами. Примерами сложных терминов могут служить *belief-function — функция доверия, backjumping — обратный переход, frame-example — фрейм-образец.*

Терминологические сочетания составляют большую часть исследуемой выборки терминов искусственного интеллекта, а именно 1701 единицу. Причем подавляющее большинство представлено двухкомпонентными терминологическими сочетаниями, их число составляет 1185 единиц, трехкомпонентные терминологические сочетания встречаются реже, составляя 378 единиц из всего объема терминологических сочетаний. Многокомпонентные терминологические сочетания, состоящие из четырех и более элементов, не характерны для терминологии искусственного интеллекта и представлены 138 единицами.

Говоря об особенностях терминологии искусственного интеллекта, стоит подчеркнуть, что большинство терминологических единиц представляют собой двухкомпонентные сочетания, образованные по модели прилагательное + существительное. Л. Б. Ткачева, исследуя 11 различных терминологий английского языка, пришла к выводу, что «наиболее характерным для английского языка является образование терминов из ресурсов самого языка по модели «прилагательное + существительное». [5, с.25] Справедливость данного предположения доказывает и терминология искусственного интеллекта: *optimal solution — оптимальное решение, virtual memory — виртуальная память, casual rule — причинное правило.* Но следует отметить, что для терминологии искусственного интеллекта характерны терминологические сочетания существительное + существи-

тельное, в которых первый компонент выступает в качестве определения: *wave algorithm — волновой алгоритм, utility function — функция полезности, toy problem — упрощенная задача, time sharing — разделение времени.* В качестве определения в терминологических сочетаниях такого типа часто выступают имена собственные, обозначающие имена ученых и изобретателей, работающих в этой области, *Turing machine — машина Тьюринга, Skolem function — функция Сколема, Osgood scale — шкала Осгуда.*

Если мы говорим о наличии терминологических сочетаний, состоящих из двух и более компонентов, это позволяет выделить ядерные термины, т.е. те термины, которые являются образующими то или иное терминологическое сочетание. Для терминологии искусственного интеллекта представляется возможным выделение наиболее продуктивных ядерных терминов, тех терминов, которые чаще других употребляются для образования терминологического сочетания. К таким терминам следует отнести *relation — отношение (21), inference — вывод (22), model — модель (27), state — состояние (30) , logic — логика (35), function — функция (40), system — система (44), algorithm — алгоритм (50).*

Помимо продуктивных ядерных терминов в терминологии искусственного интеллекта можно выделить наиболее частые определения, которые образуют терминологические сочетания с разными ядерными терминами. К их числу принадлежат *abstract — абстрактный, agent — агент, artificial —искусственный, associative — ассоциативный, built-in — встроенный, closed — замкнутый, data — данные, extensional — экстенсиональный, formal — формальный, frame — фрейм, general — общий, goal — цель, intelligent — интеллектуальный, knowledge — знание, learning — обучение, logical — логический, problem — проблема.*

Терминология искусственного интеллекта отражает междисциплинарный характер самой науки. Для данной терминологии характерна интерференция терминов разных областей знания, что объясняется интегральным характером самой науки. Термины, переходящие в терминологию искусственного интеллекта из других наук, сохраняют свое исходное лексическое значение, поскольку задачей искусственного интеллекта является создание машин, способных действовать, подобно человеку. Таким образом, заимствуя понятие, ученые не придают ему дополнительного значения, подтверждая справедливость предположения о том, что машины могут действовать как люди, соответственно, могут «мыслить». Однако не стоит забывать о том, что при терминологическом заимствовании термины проходят специализацию в подъязыке, меняя свое место в системе, связи с другими понятиями.

Анализ терминологических единиц выборки показал, что многие термины переходят из смежных областей, а также в подавляющем большинстве случаев термин позволяет понять, к какой области искусственного интеллекта он принадлежит: нейронные сети — *neural net (нейронная сеть), neural net model of memory (модель памяти на основе нейронных сетей):* компьютерная лингвистика — *linguistic model (лингвистическая модель, formal grammar (формальная грамматика), text generation (порождение текста):* компьютерные игры и вирусы — *game (игра), game theory (теория игр), game program (игровая программа).* Встречаются терминологические единицы, принадлежащие к классу так называемых общенаучных терминов: *algorithm (алгоритм), analogy (аналогия), axiom (аксиома), concept (понятие), logic (логика).* Для терминологии искусственного интеллекта характерно и переосмысление общеупотребительной лексики: *action (действие), event (событие), knowledge (знание).* Таким образом, наглядно показано, что терминология искусственного интеллекта комплексна по своему составу.

Проблема русской терминологии искусственного интеллекта заключается в том, что она синонимична и допускает наличие двух терминов для одного английского эквивалента. Например, *concept — концепт, concept — понятие; fuzzy logic — размытая логика, fuzzy logic — нечеткая логика; perception — восприятие, perception — перцепция.* Отсутствие синонимии — одно из важных требований, предъявляемых к терминологии любой науки, поэтому важной задачей специалистов в области искусственного интеллекта и терминологов выработать единую терминологию для избежания непонимания в процессе взаимодействия ученых. Учитывая то, что искусственный интеллект все больше проникает во все отрасли промышленности и сферы услуг, данная проблема требует немедленного решения. Для Омского региона разработки в области искусственного интеллекта имеют огромное значение, поскольку достижения этой науки широко применяются на таких важных предприятиях нашего города, как НИИ приборостроения, ГК «Титан» и завод «СК», которые начали строительство завода по производству полипропилена, в процессе изготовления которого используются высокотехнологичное оборудование. Современная медицина, а в особенности диагностика, также не обходятся без разработок искусственного интеллекта.

Библиографический список

1. Толковый словарь по искусственному интеллекту // А.Н. Аверкин, М.Г. Газе - Раппопорт, Д.А. Поспелов. — М., 1992. — 256 с.

2. Рассел С. Норвиг П. Искусственный интеллект. Современный подход. — 2-е изд. — М., 2007. — 1407 с.

3. Ясницкий Л.Н. Введение в искусственный интеллект : учеб.-пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М. : Издательский центр «Академия», 2005. — 176 с.

4. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение — М. : Издательский центр «Академия», 2008. — 304 с.

5. Ткачева Л.Б. Основные закономерности английской терминологии. — Томск : Изд-во Томского университета, 1987. — 200 с.

6. Будущее искусственного интеллекта : сб. ст. ; под ред. Левитина К.Е., Поспелова Д.А. — М. : Наука, 1991. — 302 с.

ВИНОКУРОВА Татьяна Николаевна, аспирантка, преподаватель кафедры иностранных языков.
Адрес для переписки: e-mail: vintan26@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.09.2009 г.

© Т. Н. Винокурова